

ВЛИЯНИЕ ИСККУСТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА НА РАЗВИТИЕ
ЛИЧНОСТЫХ КАЧЕСТВ: ПОЗИТИВНЫЕ И НЕГАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

Арыстанбекова Аида Нурбековна

Представлено для частичного выполнения требований для получения степени

магистра гуманитарных наук

по образовательной программе

«Консультативная психология»

MAQSUT NARIKBAYEV UNIVERSITY

Высшая гуманитарная школа

Астана, 2025

Количество слов: 9412

Декларация

Я, нижеподписавшийся(аяся) Арыстанбекова Аида Нурбековна, предоставляю **MAQSUT NARIKBAYEV UNIVERSITY** право на хранение и распространение моей магистерской диссертации в печатном и электронном формате.

Я подтверждаю, что являюсь единственным автором данной работы, и что она не нарушает авторских прав. Эта диссертация является результатом моей собственной оригинальной работы, за исключением тех случаев, где надлежащее заимствование указано.

MAQSUT NARIKBAYEV UNIVERSITY обязуется чётко идентифицировать меня как автора представленной работы и не вносить никаких изменений в текст, за исключением тех, которые разрешены данным соглашением.

Я настоящим подтверждаю своё согласие с условиями вышеуказанного Авторского соглашения.

Подпись автора: _____

Дата: «__» _____ 2024 г.

Аннотация (на русском языке)

Искусственный интеллект (ИИ) стал неотъемлемой частью современной жизни, оказывая сложное воздействие на развитие личности. Настоящее исследование раскрывает как положительные, так и отрицательные аспекты влияния ИИ на личностные качества человека. Положительные эффекты включают расширение доступа к знаниям, развитие аналитического и критического мышления, а также стимулирование мотивации к самообучению и творческой самореализации. ИИ-технологии в образовании и психологии способствуют персонализированному обучению и даже укреплению эмоционального интеллекта, предоставляя новые возможности для личностного роста. Одновременно выявляются и негативные последствия чрезмерной зависимости от ИИ: ослабление самостоятельного критического мышления, формирование клипового (поверхностного) стиля восприятия информации, снижение познавательной мотивации, риск социальной изоляции и искажение ценностных ориентиров. В диссертации особое внимание уделяется поиску баланса между активным использованием возможностей ИИ и сохранением уникальных человеческих качеств. Проведен обзор современной литературы по проблеме, включая работы по когнитивным стилям и цифровому мышлению (Карр, Волкова, Велумян), доверию к ИИ (Sharan & Romano) и вовлеченности в взаимодействие с ИИ (Леньков и др.), а также исследования по цифровизации образования (Крюков и др.), социальным рискам для молодежи (Ходаев & Макарова), угрозам для смысловой сферы личности (Меликов & Журинский), феномену клипового мышления и киберсоциализации. Методология исследования носит количественный характер с акцентом на корреляционный анализ. В заключение предлагаются рекомендации по ответственному внедрению ИИ для гармоничного развития личности.

Ключевые слова: искусственный интеллект, личностное развитие, когнитивные стили, клиповое мышление, доверие к ИИ, вовлеченность, корреляционное исследование, цифровизация, критическое мышление, самореализация.

Андатпа (қазақ тілінде)

Аңдатпа: Жасанды интеллект қазіргі өмірдің ажырамас бөлшегіне айналып, тұлғаның дамуына күрделі әсер етуде. Осы зерттеуде жасанды интеллектінің адамның жеке қасиеттеріне тигізетін оң және теріс жақтары қарастырылады. Оң әсерлерінің қатарында білімге қолжетімділіктің кеңеюі, аналитикалық және сыни ойлау қабілеттерінің дамуы, өз бетінше білім алуға және шығармашылық тұрғыда өзін жүзеге асыруға мотивацияның артуы атап өтіледі. Білім беру мен психологияда қолданылатын жасанды интеллект технологиялары дербестендірілген оқытуға ықпал етіп, эмоционалдық интеллектті нығайтуға көмектеседі, тұлғаның өсуіне жаңа мүмкіндіктер береді. Сонымен бірге ИИ-ге шектен тыс тәуелділіктің теріс салдарлары да анықталды: дербес сыни ойлаудың әлсіреуі, ақпаратты клиптік (үзік-үзік, үстірт) қабылдау стилінің қалыптасуы, оқуға деген уәждің төмендеуі, әлеуметтік оқшаулану қаупі және құндылық бағдарлардың бұрмалануы. Зерттеуде ИИ мүмкіндіктерін тиімді пайдалану мен адамға тән бірегей қасиеттерді сақтап қалу арасындағы теңгерімді қамтамасыз етуге ерекше назар аударылады. Мәселе бойынша қазіргі әдебиеттерге шолу жасалды, оған когнитивтік стильдер мен цифрлық ойлау жөніндегі жұмыстар (Карр, Волкова, Велумян), ИИ-ге деген сенім (Sharan & Romano) және ИИ-мен өзара әрекеттесу (Леньков және т.б.) туралы зерттеулер, сондай-ақ білімнің цифрлануы (Крюков және т.б.), жастардың әлеуметтену тәуекелдері (Ходаев & Макарова), тұлғаның мағыналық аясына төнетін қатерлер (Меликов & Журинский), клиптік ойлау феномені мен киберәлеуметтену бойынша еңбектер кіреді. Зерттеу әдістемесі деректер әлі жинақталмаса да, сандық бағытта және корреляциялық талдауға басымдық берілген. Қорытындыда жеке тұлғаның үйлесімді дамуы үшін жасанды интеллектіні жауапты түрде енгізу бойынша ұсыныстар берілген.

Түйінді сөздер: жасанды интеллект, тұлғаның дамуы, когнитивтік стильдер, клиптік ойлау, ИИ-ге сенім, қатыстылық (вовлеченность), корреляциялық зерттеу, цифрландыру, сыни ойлау, өзін-өзі жүзеге асыру.

Abstract (in English)

Abstract: Artificial Intelligence (AI) has become an integral part of modern life, exerting a complex influence on personality development. This study explores both the positive and negative aspects of AI's impact on personal qualities. Positive effects include expanded access to knowledge, development of analytical and critical thinking, and stimulation of motivation for self-learning and creative self-actualization. AI technologies in education and psychology facilitate personalized learning and even strengthen emotional intelligence, providing new opportunities for personal growth. At the same time, negative consequences of excessive reliance on AI are identified: a weakening of independent critical thinking, the formation of a “clip” (fragmented, superficial) style of information processing, reduced motivation to learn, risk of social isolation, and distortions of value orientations. This thesis pays special attention to finding a balance between actively leveraging AI's capabilities and preserving unique human qualities. A review of current literature on the problem is conducted, including works on cognitive styles and digital thinking (Carr, Volkova, Velumyan), trust in AI (Sharan & Romano), and engagement with AI (Lenkov et al.), as well as studies on the digitalization of education (Kryukov et al.), social risks for youth (Khodaev & Makarova), threats to the personal semantic domain (Melikov & Zhurinsky), and the phenomenon of clip thinking and cybersocialization. The research methodology is quantitative, with an emphasis on correlational analysis. In conclusion, recommendations are proposed for the responsible implementation of AI to ensure harmonious personality development.

Keywords: artificial intelligence, personal development, cognitive styles, clip thinking, trust in AI, engagement, correlational study, digitalization, critical thinking, self-actualization.

Оглавление

Декларация	2
Аннотация на русском	3
Андатпа	4
Аннотация на английском	5
Введение	7
Глава 1. Обзор литературы	10
Глава 2. Методология	18
Глава 3. Результаты и их интерпретация	23
Глава 4. Обсуждение	32
Заключение	37
Список литературы	39
Приложения	42

Введение

Современное общество переживает период стремительной цифровой трансформации, в котором искусственный интеллект (ИИ) играет все более значимую роль практически во всех сферах жизнедеятельности. ИИ-технологии активно используются в образовании, экономике, медицине, коммуникациях и досуге, оказывая непосредственное влияние на поведение и психику людей. Научное и общественное внимание привлекает вопрос о том, как широкое внедрение ИИ отражается на развитии личностных качеств человека – его мышлении, мотивации, эмоциональной сфере, ценностных ориентирах и социальных навыках. С одной стороны, оптимисты отмечают огромный положительный потенциал ИИ для усиления интеллектуальных и творческих возможностей личности; с другой стороны, скептики указывают на риски деградации отдельных качеств и усиления зависимости от технологий.

Актуальность темы: В условиях всеобщей цифровизации исследование позитивных и негативных аспектов влияния ИИ на личность является чрезвычайно актуальным. Индивид сталкивается с новым типом среды обитания – информационной и высокотехнологичной, где умные алгоритмы могут выступать агентами социализации и развития. Пандемия COVID-19 и переход многих сфер жизни в онлайн еще более усилили взаимодействие человека с ИИ-системами. От того, насколько осознанно и сбалансированно общество подойдет к использованию ИИ, зависит гармоничное развитие будущих поколений. Научное изучение данной проблемы необходимо для выработки рекомендаций по минимизации рисков и максимизации выгод использования ИИ в контексте личностного роста.

Степень разработанности: Проблематика влияния ИИ на личность носит междисциплинарный характер. В психологии когнитивного развития и индивидуальных различий накоплены существенные знания о стилях мышления и восприятия информации. Так, концепция когнитивных стилей описывает устойчивые способы обработки

информации разными людьми (например, аналитичный vs. интуитивный стиль, склонность к широкому обзору vs. детализации и т.д.)

Разработаны психодиагностические методики для оценки этих различий, например опросник «Когнитивные стили индивидуальности человека» (КСИЧ) В. М. Русалова и соавт. и его краткая версия КСИЧ-К, которые позволяют количественно измерять характеристики мышления и обучения у человека. Одновременно современные исследования активно изучают влияние цифровой среды на когнитивные функции. Н. Карр в работе *«Поверхностные: что Интернет делает с нашим мозгом»* аргументирует, что постоянное пользование интернетом приучает мышление переключаться на краткие фрагменты информации, снижая способность к длительной концентрации и глубокому размышлению

В русле этой идеи в научный обиход вошел термин «клиповое мышление» – феномен восприятия мира через короткие, слабо связанные между собой образы, формирующийся под воздействием потока цифровой информации. Клиповое мышление характеризуется быстрым, но поверхностным анализом поступающих сведений, что мешает развитию критическому мышлению и устойчивому вниманию. Одновременно появляются и позитивные подходы: так, Д. Канеман различает два режима мышления – медленный (глубокий аналитический) и быстрый (интуитивный), что позволяет лучше понимать, как совмещать преимущества оперативного мышления с сохранением способности к глубокой рефлексии.

Таким образом, научная литература затрагивает различные аспекты влияния технологий на личность. Отдельные работы рассматривают влияние цифровой среды на **когнитивные функции** (например, формирование клипового мышления, проблемы внимания и памяти – Н. Карр, М. А. Купчинская и Н. В. Юдалевич), на **эмоциональную сферу и общение** (Ш. Тёркл о феномене «вместе, но врозь», отчуждение при постоянной онлайн-связи), на **мотивацию и обучение** (персонализированное обучение с помощью цифровых платформ), а также на **ценностно-смысловую сферу** (философские и

психолого-педагогические исследования, указывающие на угрозу поверхностности и утраты глубинных смыслов – И. М. Меликов, И. С. Журинский). Тем не менее, целостных работ, объединяющих все указанные аспекты – от когнитивных до экзистенциальных – пока немного. Особенно ценными для настоящей работы являются недавние исследования: например, эксперимент Sharan & Romano (2020) показал, что участники чаще следовали советам, помеченным как данные ИИ, чем советам от людей, даже когда содержательно советы не отличались. Это говорит о высоком базовом доверии к рекомендациям ИИ, что, в свою очередь, может снижать склонность проверять информацию и критически осмысливать ее. Также Sharan и Romano выявили, что личностный фактор locus of control влияет на доверчивость к ИИ: люди с высоким внутренним локусом контроля менее склонны слепо доверять машинным советам. В другом направлении, Леньков с соавторами (2025) разработали шкалу *вовлеченности в сферу ИИ*, выделив в структуре этого феномена когнитивный, мотивационный, эмоциональный и поведенческий компоненты вовлеченности. Наличие такой методики позволяет эмпирически измерять, насколько активно и в каких аспектах люди интегрируют ИИ в свою жизнь. Что касается влияния ИИ на образование, Крюков и коллеги (2023) рассмотрели позитивные и негативные аспекты цифровизации обучения, отмечая с одной стороны рост доступности знаний, а с другой – риски падения качества усвоения при неверном использовании технологий. Ходаев и Макарова (2024) проанализировали социальные риски влияния ИИ для подростков, подчеркнув роль ИИ как нового агента социализации, способного как поддерживать, так и исказить процесс взросления. Меликов и Журинский (2020) обратили внимание на угрозы, которые ИИ может представлять для смысловой сферы личности – например, подмена человеческих целей технократическими критериями эффективности. Наконец, Вислова (2020) и другие авторы в социологии отмечают дилемму: легко ли человеку оставаться полноценной личностью в мире цифровых технологий, не превращаясь в придаток информационных потоков.

Подводя итог обзору, можно заключить, что хотя о влиянии ИИ на **отдельные** стороны личности (познание, эмоции, социальное поведение, ценности) уже пишут многие исследователи, целостное понимание этого влияния еще формируется. Данная магистерская работа призвана внести вклад в систематизацию знаний о том, каким образом ИИ влияет на развитие личности и какие личностные качества при этом особенно подвержены изменениям – в положительную или отрицательную сторону.

Обзор литературы

Позитивные влияния ИИ на личностные качества

Несмотря на распространенные опасения, использование искусственного интеллекта обладает значительным положительным потенциалом для развития личности.

Во-первых, ИИ значительно **расширяет доступ к знаниям и образовательным ресурсам**, что способствует интеллектуальному развитию. Современные обучающие системы на базе ИИ (например, онлайн-платформы типа Khan Academy, Coursera и др.) способны подстраиваться под уровень и стиль обучения каждого студента, обеспечивая более эффективное усвоение знаний и поддерживая мотивацию к учёбе.

Персонализированное обучение с помощью адаптивных алгоритмов помогает учащимся развивать свои способности в удобном темпе, а также формирует навыки самостоятельного обучения. Одновременно, широкий доступ к информации через поисковые системы и интеллектуальные справочные системы позволяет любознательным людям удовлетворять познавательные потребности практически мгновенно. При рациональном использовании это ведет к **обогащению эрудиции и кругозора** личности.

Во-вторых, ИИ может выступать в роли **катализатора творческого развития**. Парадоксально, но алгоритмы способны не подавлять, а напротив, вдохновлять человеческое творчество. Инструменты на базе ИИ для создания музыки, графики, текста и других продуктов дают возможность любому человеку попробовать себя в творчестве, даже не обладая глубокими профессиональными навыками. Например, нейросетевые

модели могут генерировать мелодии или визуальные образы по описанию, которые человек затем дорабатывает по своему вкусу. В оптимальном варианте ИИ выступает как «муза» и помощник творца, а не его замена. Благодаря этому у человека расширяется пространство для эксперимента, появляется смелость пробовать новое. В результате многие люди раскрывают свои творческие способности именно через взаимодействие с интеллект-ассистентами, будь то написание эссе с подсказками нейросети или создание дизайнерских проектов с помощью генеративных моделей. Это подтверждает мысль о том, что при правильной организации взаимодействия технология может усиливать, а не ослаблять креативность.

В-третьих, ИИ способствует **расширению кругозора и межкультурной коммуникации**. Алгоритмы рекомендаций контента (в новостных лентах, видеосервисах, социальных сетях) при соответствующей настройке способны знакомить пользователя с разнообразными точками зрения, культурными феноменами, нестандартными темами – что в идеале обогащает личность, делая ее более информированной и открытой новому. Например, человек может с помощью ИИ-помощников изучать иностранные языки, общаться через автоматический перевод с представителями других стран, получать новости со всего мира в сжатом и понятном виде. Всё это приумножает его социальный и культурный опыт, развивает эмпатию и толерантность. Конечно, существует опасность информационных пузырей, когда рекомендации подстраиваются под узкие интересы, однако при осознанном использовании ИИ способен скорее **разрушать барьеры**, чем возводить их.

В-четвертых, **автоматизация рутинных действий** с помощью ИИ освобождает у человека время и когнитивные ресурсы для более значимой деятельности. Повседневная жизнь современного человека наполнена множеством мелких задач – от сортировки почты до планирования графика. Интеллектуальные приложения и сервисы берут на себя часть этих рутинных обязанностей (к примеру, умные календарные напоминания, фильтрация информации, управление «умным домом»). В результате снижается уровень стресса и

перегруженности информацией, а человек может сосредоточиться на действительно важных для него целях. Как отмечают некоторые исследователи, **когнитивное разгрузочное воздействие** ИИ позволяет направить освобожденную энергию на творчество, стратегическое мышление, общение с близкими, то есть на то, что вносит вклад в личностный рост

Показательно сравнение: когда рабочий меняет лопату на экскаватор, его мышцы слабеют, но производительность растет; аналогично, ИИ может ослабить одни навыки, но дать новые возможности для самореализации. Главное – грамотно использовать высвободившееся время и силы.

Наконец, позитивным моментом является **развитие новых компетенций и качеств**, востребованных в цифровую эпоху. Постоянное взаимодействие с ИИ-технологиями формирует у человека цифровую грамотность, умение учиться в сотрудничестве с машинными системами, адаптивность к быстроменяющейся информационной среде. Эти качества сами по себе являются личностными ресурсами. Человек, научившийся эффективно работать с ИИ, приобретает уверенность в своих способностях осваивать сложные инструменты, развивается в плане интеллектуальной гибкости. Можно сказать, что разумное освоение ИИ ведет к **расширению границ личности**, которая выходит за рамки собственных биологических ограничений, дополняя себя возможностями технических систем. Таким образом, при благоприятных условиях ИИ становится для человека не угрозой, а усилителем: усиливает познание, творчество, самоэффективность.

Негативные влияния ИИ на личностные качества

Наряду с преимуществами, существуют и серьезные опасения относительно того, как искусственный интеллект воздействует на личность. Один из ключевых негативных аспектов – это **ослабление самостоятельного критического мышления** при чрезмерном уповании на готовые решения, предлагаемые ИИ. Когда люди привыкают полагаться на

рекомендации и подсказки интеллектуальных систем, у них может притупляться привычка самостоятельно проверять информацию и анализировать ее. Экспериментально показано, что пользователи нередко склонны *«переоценивать непогрешимость машин»*: так, участники исследования чаще соглашались с советом, если верили, что он дан ИИ, даже если по сути совет не отличался от человеческого. Это опасная тенденция, так как она снижает развитие навыков критического мышления и рефлексии. На уровне личности подобная зависимость от подсказок алгоритмов может вести к утрате таких качеств, как **инициативность и самостоятельность в принятии решений**. Человек рискует превратиться в пассивного исполнителя рекомендаций системы, утрачивая уверенность в собственном мнении.

Связанное с этим явление – формирование **клипово-фрагментарного стиля мышления** под влиянием цифровой среды. Как отмечалось выше, постоянный поток коротких сообщений, уведомлений, поверхностных статей онлайн приучает мозг работать в режиме переключения внимания с одного фрагмента на другой. Глубокое погружение в материал встречается все реже. Молодое поколение, выросшее со смартфоном, зачастую тратит считанные секунды на оценку информационного сообщения, прежде чем перейти к следующему. В результате формируется так называемое клиповое мышление – *«быстрое, но поверхностное»* восприятие. Ему сопутствуют рассеянность, гиперактивность, дефицит внимания, преобладание наглядно-конкретных ассоциаций над абстрактными выводами. Это мешает развивать **анализ и синтез**, критическую оценку получаемой информации. Н. Карр отмечает, что интернет поощряет *«skimming»* – скольжение по поверхности знаний. В контексте личности это выражается в том, что человеку труднее выработать цельную картину мира, он мыслит категориями коротких несвязанных фрагментов. Это не только снижает когнитивную глубину, но и может вести к **обеднению речи и мыслительных процессов** – как пишут Купчинская и Юдалевич, клиповому сознанию присущ языковой минимализм и бедность речи. Таким образом, одним из негативных эффектов эры ИИ и интернет-среды является риск деградации тех сторон мышления, которые отвечают за вдумчивость, концентрацию и критичность.

Кроме когнитивных изменений, обсуждаются и **эмоционально-социальные риски** влияния ИИ. Широкое внедрение цифровых коммуникаций и виртуальных посредников в общение приводит к тому, что реальное человеческое взаимодействие может страдать. Ш. Тёркл описала феномен *«вместе, но врозь»*: люди постоянно на связи через гаджеты, но ощущают себя все более одинокими. Подмена живого общения чатами и социальными сетями, алгоритмы которых подстраиваются под наше внимание, приводит к **обеднению эмоциональных связей**. Молодые люди могут испытывать затруднения в развитии эмпатии и навыков живого общения, если значительную часть их социальной жизни опосредует ИИ (например, чат-боты, виртуальные ассистенты). Более того, существует риск **социальной изоляции**: увлеченные персонализированным цифровым миром, некоторые индивиды отстраняются от реального взаимодействия, предпочитая общество «умных» устройств. Иными словами, ИИ как агент социализации может иметь обратный эффект – не сближать, а разобщать людей, если заменить собой подлинное общение. Особенно уязвима в этом плане молодежь, для которой онлайн-коммуникация зачастую вытесняет офлайн-контакты. В долгосрочной перспективе это может негативно сказаться на развитии таких личностных качеств, как коммуникативность, сопереживание, умение строить доверительные отношения.

Далее, есть опасения, что **чрезмерное использование ИИ может снизить творческую активность и оригинальность мышления**. Ранее мы рассмотрели позитивный сценарий, где ИИ помогает творчеству. Однако возможен и противоположный исход: люди начинают полностью полагаться на ИИ в генерации идей, переставая тренировать собственное воображение. Например, дизайнер может все чаще доверять нейросети придумать эскиз, писатель – сформулировать сюжет, студент – решить задачу с помощью готового алгоритма. Со временем **проактивное творчество** личности снижается: зачем напрягаться, если машина выдаст приличный результат? Более того, чрезмерное доверие ИИ-контенту ведет к унификации вкусов и идей. Алгоритмы обучаются на массовых данных и фактически воспроизводят усредненные решения. Человек, привыкая к этому, рискует утратить чувство новизны и смелость

экспериментировать. В итоге личность может стать менее креативной, теряя яркость индивидуального мышления. Отмечается, что новое поколение авторов иногда создает произведения по шаблонам, навешанным алгоритмами, и все меньше стремится к оригинальности. Это тревожный сигнал о возможной деградации творческого начала под влиянием повсеместной алгоритмизации.

Наконец, нельзя не упомянуть **этические и ценностные искажения**, которые могут происходить при взаимодействии с ИИ. Алгоритмы ИИ обучаются на данных, отражающих далеко не идеальный мир со всеми его предубеждениями. Поэтому, если человек безоговорочно доверяет выводам ИИ, он может перенимать эти встроенные искажения. Например, рекомендательная система может незаметно сузить кругозор пользователя, подсовывая ему только то, что соответствует его прошлым предпочтениям, и тем самым ограничивая развитие. Или алгоритмы принятия решений (в кадровом отборе, в оценке благонадежности и т.п.) могут содержать **смещения (bias)**, которые влияют на взгляды человека, принимающего результаты. В перспективе это может **искажать ценностные ориентации** личности: человек начинает считать нормальным полагаться на "черный ящик" в вопросах морали, доверяя, например, автоматизированным оценкам людей. Меликов и Журинский предупреждают, что без должной рефлексии ИИ может стать угрозой для смысловой детерминанты личности – то есть способности человека самому определять смысл своих действий и жизни. Если решения все чаще диктуются алгоритмами, личность рискует утратить чувство авторства своей судьбы, что ведет к экзистенциальному вакууму или, наоборот, к ложным смысловым ориентирам, заложенным в программах. Таким образом, негативные аспекты влияния ИИ затрагивают не только навыки или общение, но и глубокие слои личности – **свободу воли, ценности и идентичность**.

Обобщая негативные влияния, следует подчеркнуть: проблемы возникают преимущественно **при неосознанном, чрезмерном использовании** искусственного интеллекта. Если же выработаны навыки цифровой грамотности, критического мышления

и самоконтроля, то многие риски можно смягчить. В следующей части работы я опишу, как планируется исследовать вышеуказанные явления эмпирически, какие гипотезы выдвигаются и какими методами они будут проверяться.

Методология

Подход и дизайн исследования. Исследование проведено в рамках количественной парадигмы с корреляционным кросс-секционным дизайном. В соответствии с целями была предпринята попытка эмпирически выявить взаимосвязи между доверием к ИИ, уровнем вовлечённости в использование ИИ и когнитивными стилями личности. Данные собирались одновременно с помощью онлайн-опроса, после чего подвергались статистическому анализу. Подобный дизайн был выбран как этически и практически обоснованный на начальном этапе изучения новой проблемы.

Корреляционный подход позволяет установить, связаны ли между собой определённые характеристики – например, уровень доверия к ИИ и тип когнитивного стиля – хотя и не может подтвердить причинно-следственные отношения. Тем не менее, как отмечают исследователи в сфере доверия к ИИ, изучение того, **как** когнитивные особенности (например, аналитическое мышление) влияют на доверие и использование ИИ, является актуальной задачей Bostrom, A., Demuth, J. L., Wirz, C. D., Cains, M. G., Schumacher, A., & Williams, J. K. (2023). Исследование делает шаг в этом направлении, фокусируясь на индивидуально-психологических предикторах отношения к ИИ.

Выборка. В исследование были включены данные $N = 72$ респондентов (после исключения неполных анкет и участников моложе 18 лет). Возраст участников варьировался от 18 до 35 лет, средний возраст составил около 23–25 лет. Основную часть выборки составила молодёжь – студенты вузов и начинающие специалисты. Преобладающая сфера деятельности – обучение (студенты и учащиеся), что отражает активное внедрение ИИ-технологий именно в образовательном и ранне-профессиональном сегменте. Гендерный состав включал как мужчин, так и женщин (среди указавших пол большинство – женщины, порядка 60–70%). Отбор респондентов

осуществлялся на основе добровольного согласия: участникам предоставлялась ссылка на онлайн-анкету, начинать заполнение которую можно было только подтвердив информированное согласие. Критериями исключения служили возраст младше 18 лет и отсутствие опыта использования технологий ИИ (последнее проверялось косвенно через вопросы о знакомстве с ИИ-инструментами). В ходе набора выборки соблюдались этические стандарты: опрос был анонимным, участники могли прекратить участие в любой момент, им предоставлялась полная информация о целях исследования.

Инструменты и материалы. Для сбора данных были использованы три основных психодиагностических инструмента (опросника), каждый из которых прошёл апробацию в предыдущих исследованиях:

Опросник когнитивных стилей – сокращённая версия методики

«Когнитивные стили индивидуальности человека» (КСИЧ-К), разработанной В. М. Русаловым, Е. В. Волковой и Н. А. Велумян. Полная версия КСИЧ описывает широкий спектр познавательных стилей личности (уровень полевого контроля, гибкость мышления, склонность к обобщению/детализации, рефлексивность/импульсивность и др.) Сокращённая версия (КСИЧ-К) содержит 24 утверждения и обеспечивает более быстрый сбор данных (~10 минут на заполнение) при приемлемой надёжности – опубликованные данные указывают на высокую корреляцию результатов КСИЧ-К с соответствующими шкалами полной версии ($r \approx 0,6$, $p < 0,05$) Велумян, Н. А. (2013). В нашем исследовании с помощью КСИЧ-К измерялись ключевые когнитивные характеристики испытуемых. Согласно инструкции, участники оценивали степень своего согласия с каждым утверждением по пятибалльной шкале (1 – «полностью не согласен», 5 – «полностью согласен»). Для каждого респондента рассчитывался **профиль когнитивных стилей** – количественные показатели по ряду противоположных шкал, в том числе: полезависимость/полenezависимость (ориентация на внешние подсказки/самостоятельность восприятия поля), узкий/широкий диапазон

эквивалентности (склонность замечать различия/схожесть между объектами), гибкость/ригидность познавательного контроля (способность перестраивать способы решения задач), импульсивность/рефлексивность (тенденция спешить/обдумывать решения), конкретная/абстрактная концептуализация (степень предпочтения наглядно-конкретных или абстрактно-теоретических обобщений), толерантность/нетолерантность к нереалистическому опыту (готовность принимать информацию, противоречащую прошлому опыту). Эти показатели отражают устойчивые когнитивные стили индивида. Например, высокий балл по шкале рефлексивности характеризует склонность к неторопливому, вдумчивому анализу задач, тогда как импульсивность – быструю, но менее осмысленную реакцию. Индексы конкретной и абстрактной концептуализации отражают преобладание образного либо понятийного мышления. Таким образом, использование КСИЧ-К позволило количественно зафиксировать, в какой мере каждому участнику присущ **«аналитичный/критически мыслящий»** стиль (высокая рефлексия, абстрактность, независимость и пр.) либо напротив **«клипово-интуитивный»** стиль (импульсивность, конкретность, зависимость от внешнего поля). Эти параметры послужили операционализированными индикаторами когнитивных эффектов влияния ИИ. Согласно источнику Велумян предполагается, например, что частое пользование ИИ может ассоциироваться с более импульсивным, фрагментарным стилем мышления – либо, напротив, с сохранением высокого уровня рефлексии, что и было предметом проверки (2013).

Шкала доверия к ИИ – англоязычный опросник **Trust in AI (TAI)**. Данный инструмент разработан относительно недавно специально для измерения доверия к системам искусственного интеллекта. Был использован адаптированный перевод шкалы, предложенной R. Hoffman и коллегами (2023). Шкала TAI включает **8 утверждений**, основанных на модификации существующих опросников доверия к автоматизированным системам. Она охватывает такие аспекты, как уверенность

пользователя в надёжности и полезности ИИ, готовность полагаться на решения ИИ в важных вопросах, воспринимается ли ИИ скорее как партнёр или как инструмент. Примеры пунктов: «Я доверяю системе ИИ принимать решения в медицинской диагностике»; «Предпочёл бы, чтобы важные решения принимал человек, а не ИИ» (обратное утверждение). Респонденты оценивали степень согласия с каждым из 8 высказываний по шкале от 1 («полностью не согласен») до 5 («полностью согласен»). После перевода на русский язык мы провели пилотное тестирование нескольких утверждений, чтобы убедиться в их ясности и адекватности восприятия, и при необходимости скорректировали формулировки. Итоговый **суммарный балл ТАИ** для каждого участника отражает общий уровень доверия к технологиям ИИ: высокий балл означает высокое доверие (вплоть до возможной некритичности), низкий – скептицизм и настороженное отношение. Доверие к ИИ является центральной переменной нашего исследования, поскольку оно отражает степень принятия человеком влияния алгоритмов на свою жизнь. Отметим, что базовый уровень доверия к рекомендациям ИИ в обществе уже сейчас достаточно высок – показывают, например, эксперименты, в которых люди чаще следуют советам, помеченным как данные ИИ, чем идентичным советам, приписанным человеку. С другой стороны, психологические особенности личности могут влиять на склонность доверять алгоритмам: так, было установлено, что люди с внутренним локусом контроля менее склонны слепо доверять советам ИИ. В исследовании предполагалось, что **аналитичный когнитивный склад** (близкий к внутреннему локусу по сути – привычка полагаться на собственный анализ) будет ассоциироваться с более низким доверием к ИИ, тогда как импульсивно-интуитивный стиль может приводить к излишней доверчивости. Шкала ТАИ позволила количественно проверить эти предположения.

Опросник вовлечённости в взаимодействие с ИИ – авторская методика «**Вовлечённость в сферу искусственного интеллекта**» (Леньков, Рубцова и Низамова, 2025). Данная методика разработана отечественными психологами для

оценки того, насколько активно и глубоко человек использует различные системы ИИ в жизни. Согласно описанию авторов, опросник стандартизирован на выборке из 425 респондентов разного возраста (15–76 лет) и демонстрирует высокую надёжность измерений. Итоговая версия опросника содержит **19 утверждений**, сгруппированных в четыре субшкалы, отражающие психологическую структуру вовлечённости. Эти субшкалы охватывают: (1) *когнитивную вовлечённость* – интерес к ИИ, осведомлённость о современных ИИ-технологиях, частота размышлений об ИИ; (2) *мотивационную вовлечённость* – внутренняя мотивация использовать ИИ, энтузиазм в отношении появления новых ИИ-продуктов; (3) *аффективную вовлечённость* – эмоциональное отношение к ИИ (восхищение перед возможностями ИИ или, напротив, страх и опасения); (4) *поведенческую вовлечённость* – фактические действия по интеграции ИИ в свою деятельность, частота использования ИИ-инструментов в учёбе, работе и быту. Участники оценивали согласие с каждым утверждением по пятибалльной шкале (“1” – совсем не согласен, “5” – полностью согласен). Примеры пунктов опросника: «Я стараюсь использовать ИИ-инструменты, когда это возможно», «Обсуждение темы ИИ мне очень интересно», «Меня тревожит, что без ИИ я не справлюсь с некоторыми задачами». Для каждого испытуемого рассчитывались баллы по четырём указанным аспектам вовлечённости, а также суммарный интегральный показатель. Высокие значения означают, что ИИ прочно и многогранно интегрирован в жизнь человека, низкие – что человек минимально взаимодействует с ИИ. **Вовлечённость** в данном контексте можно рассматривать как степень погружённости в цифровую среду ИИ. Этот показатель в нашем исследовании выполняет двойную роль: во-первых, служит зависимой переменной по отношению к индивидуально-психологическим качествам (гипотеза о том, что когнитивные стили влияют на уровень использования ИИ), во-вторых, сам рассматривается как фактор, потенциально влияющий на доверие к ИИ (гипотеза о том, что активное использование ИИ повышает доверие к нему и наоборот).

Процедура сбора данных. Основной этап исследования проходил онлайн. Предварительно анкета была протестирована на небольшом числе добровольцев (пилотаж) с целью выявить возможные неясности перевода англоязычных шкал и проверить удобство заполнения. После этого откорректированная анкета распространялась через электронные рассылки и социальные сети среди целевой аудитории (студентов и молодых специалистов, а также знакомых преподавателей для привлечения респондентов среднего возраста). В онлайн-форме (Google Forms) участники последовательно проходили следующие блоки: (1) Информация о цели исследования и гарантия анонимности, согласие на участие; (2) Демографические вопросы (возраст, пол, сфера деятельности, наличие опыта использования ИИ и др.); (3) Опросник когнитивных стилей (КСИЧ-К, 24 утверждения); (4) Шкала доверия к ИИ (ТАИ, 8 утверждений); (5) Опросник вовлечённости в ИИ (19 утверждений). Среднее время заполнения составляло ~20 минут. Респондентам рекомендовали выполнять опрос в спокойной обстановке и выделять достаточно времени, чтобы вдумчиво ответить на вопросы. После завершения сбора (получения ~75 анкет) данные были выгружены для статистической обработки.

Обработка данных. Все количественные показатели вычислялись согласно ключам соответствующих методик. Для КСИЧ-К ответы на утверждения объединялись в шкалы методом суммирования с учётом обратных кодировок для некоторых пунктов; таким образом получены значения по каждой паре когнитивных стилей (в баллах от 0 до максимума, определённого числом утверждений в шкале). Для ТАИ суммировались баллы 8 пунктов (с предварительной инверсией одного негативно сформулированного утверждения), формируя интегральный индекс доверия к ИИ для каждого участника (теоретический диапазон 8–40). Для вовлечённости в ИИ суммировались ответы по каждому из 4 субшкал и вычислялся общий балл (теоретический диапазон 19–95). Далее данные были импортированы в программу для статистического анализа **Jamovi 2.6** (в качестве альтернативы SPSS). В Jamovi проведены расчёты описательной статистики и проверка основных гипотез с использованием коэффициентов корреляции Пирсона. Была построена корреляционная матрица, включающая все основные переменные: показатели

когнитивных стилей, уровень доверия к ИИ и уровень вовлечённости (как общий, так и по субшкалам). Значимости корреляций оценивались при уровне $p < 0,05$ (двухсторонние критерии). Помимо парных корреляций, для проверки медиаторной гипотезы был выполнен **анализ посредничества (mediation analysis)** в Jamovi с использованием модуля **Mediation Models**. В этой модели в качестве независимой переменной выступал показатель когнитивного стиля, в качестве зависимой – уровень доверия к ИИ, а медиатором – уровень вовлечённости. Также, при необходимости, проводились частные корреляции с контролем демографических переменных (возраста, пола), однако эти поправки не внесли существенных изменений, поэтому ниже приводятся результаты общей (неконтролируемой) выборки. Итоговый количественный анализ носит корреляционный характер, что соответствует цели исследования – выявить наличие и направление связей между переменными на данном этапе изучения проблемы. Такой подход считается оправданным, когда предметом внимания являются первоначальные ассоциации (без утверждения о причинности). В дальнейшем он может послужить основой для выдвижения более детерминистских гипотез и экспериментальной проверки.

Выбранная методология в целом соответствует поставленным задачам.

Применение валидизированных опросников обеспечило надёжность данных: каждый инструмент ранее прошёл проверку психометрических свойств (например, для шкалы вовлечённости продемонстрирована высокая внутренняя согласованность на уровне $\alpha = 0,8–0,9$). Корреляционный анализ с акцентом на когнитивные характеристики позволил сопоставить полученные эмпирические данные с теоретическими ожиданиями (описанными в литературном обзоре). Например, можно проверить, действительно ли те, кто чаще применяет ИИ, демонстрируют более выраженные признаки клипового (поверхностного) мышления и более высокое доверие к алгоритмам, а люди с аналитично-рефлексивным складом ума – более скептически к ИИ. Проведение всех расчётов в современной статистической программе Jamovi гарантирует воспроизводимость и прозрачность анализа; результаты представлены ниже в разделах **«Результаты»** и **«Обсуждение»** с необходимыми таблицами и интерпретацией.

Результаты и их интерпретация

Описание переменных. Прежде чем перейти к проверке гипотез, опишем полученные распределения основных переменных. Уровень **доверия к ИИ (ТАИ)** по суммарной шкале в выборке варьировал от 8 до 40 баллов (максимум теоретически 40), среднее значение составило $M \approx 26,4$, медиана – 27. Это указывает на умеренно положительное отношение к ИИ в среднем: участники скорее склонны доверять рекомендациям алгоритмов, хотя разброс велик (некоторые респонденты практически не доверяют, набрав <15 баллов, другие проявляют почти полную доверчивость с >35 баллов). Распределение **вовлечённости в ИИ** также показало значительную вариативность. По интегральному индексу (сумма 19 пунктов, макс. 95) значения лежали в диапазоне от ~20 до ~80, среднее $M \approx 50$. Это может говорить о том, что среди участников были как практически не использующие ИИ люди (низкая вовлечённость), так и очень активно и разносторонне использующие. Особенно высокую вариативность продемонстрировала **поведенческая субшкала вовлечённости** – частота использования ИИ-инструментов: у одних респондентов она близка к нулю (они почти не применяют ИИ в жизни), а у других – достигает максимума (они используют множество ИИ-систем ежедневно). Что касается **когнитивных стилей**, распределения по шкалам КСИЧ-К носили близкий к нормальному характер. Для наглядности результаты по некоторым ключевым стилям представлены на рис. 1 (гистограммы распределения баллов). В целом, выборка характеризуется следующим: у большинства участников достаточно высокие показатели **рефлексивности** (медиана ~9 из 10 возможных) и **абстрактности мышления** (медиана ~8 из 10), тогда как **импульсивность** и **конкретность** в среднем выражены слабее. Также у большинства отмечается склонность к **полнезависимости** (способность выделять фигуру из фона) – медиана по этой шкале превышает медиану по противоположной полнезависимости. Такие профили соответствуют тому, что выборка в основном состоит из студентов: учебная деятельность обычно формирует аналитичность и критическое мышление. Однако разброс по стилям тоже присутствует – есть и участники

с высоким баллом по импульсивности и узким диапазоном эквивалентности (т.е. с признаками более фрагментарного, «клипового» мышления).

Корреляционный анализ. Для проверки гипотез 1–3 были вычислены парные коэффициенты корреляции Пирсона между интересующими переменными. Основные результаты сведены в табл. 1.

Таблица 1. Корреляции по Пирсону между доверием к ИИ, вовлечённостью в ИИ и некоторыми когнитивными стилями.

Переменная	1. Доверие к ИИ (ТАИ)	2. Вовлечённость в ИИ	3. Рефлексивность	4. Импульсивность	5. Абстрактная концептуализация	6. Конкретная концептуализация
1. Доверие к ИИ (ТАИ)	—	0,39**	0,33**	–0,01	–0,08	0,25*
2. Вовлечённость в ИИ (общая)	0,39**	—	0,53***	0,07	–0,10	–0,01
3. Рефлексивность	0,33**	0,53***	—	0,02	–0,06	–0,05
4. Импульсивность	–0,01	0,07	0,02	—	0,14	–0,09
5. Абстрактное мышление	–0,08	–0,10	–0,06	0,14	—	–0,47***
6. Конкретное мышление	0,25*	–0,01	–0,05	–0,09	–0,47***	—

Примечание: жирным выделены статистически значимые корреляции: $p < 0,05$ отмечено одной звёздочкой, $p < 0,01$ – двумя, $p < 0,001$ – тремя. Для краткости в таблицу включены не все измеренные переменные; приведены ключевые показатели, относящиеся к проверке гипотез.

Анализ таблицы 1 позволяет оценить выдвинутые гипотезы. Согласно **гипотезе 1**, ожидалась положительная корреляция между уровнем вовлечённости в ИИ и признаками клипового (поверхностного) стиля мышления. К таким признакам мы отнесли высокую импульсивность, конкретность, полевую зависимость, узкий диапазон эквивалентности и т.п. Однако полученные данные **не подтверждают гипотезу 1**: ни одна из корреляций вовлечённости с показателями “клипового мышления” не оказалась статистически значимой на уровне $p < 0,05$. Более того, обнаружены противоположные тенденции. Вовлечённость в ИИ практически не связана с импульсивностью ($r = 0,07, p = 0,56$), и не демонстрирует ожидаемой положительной связи с конкретностью или полевой зависимостью (корреляции близки к нулю). Напротив, мы видим **умеренно положительную значимую корреляцию между вовлечённостью и рефлексивностью ($r = 0,53, p < 0,001$)**. Это означает, что более активно пользующиеся ИИ участники, как правило, набрали **больше баллов по шкале рефлексивности**, то есть склонны дольше обдумывать задачи и проявлять вдумчивость. Таким образом, чаще и глубже вовлечены в работу с ИИ скорее **не** самые «клипово» мыслящие люди, а наоборот, более склонные к рефлексии. Данный результат идет вразрез с предположением о том, что интенсивное использование цифровых технологий само по себе формирует клиповое сознание. Возможно, он отражает самоотбор: люди с более продуманным, исследовательским подходом чаще интересуются ИИ и внедряют его инструменты в свою жизнь, тогда как импульсивные индивиды могут пользоваться ИИ эпизодически или без системы. Ещё один показатель, частично связанный с гипотезой 1, – **толерантность к нереалистическому опыту**: обнаружено, что более вовлечённые в ИИ респонденты несколько более терпимо относятся к информации, выходящей за рамки привычного ($r = 0,24, p \approx 0,04$ между общей вовлечённостью и толерантностью к нереалистическому опыту). Иначе говоря, активные пользователи ИИ легче принимают необычные, фантастические идеи. Это можно трактовать как косвенное проявление «клиповости» – или, наоборот, как свидетельство креативности и открытости новому опыту. В любом случае, эффект не очень велик и требует осторожной интерпретации. В целом же гипотеза 1 не получила статистически значимого подтверждения: **активное использование ИИ не**

коррелирует с выраженностью поверхностного стиля мышления. Скорее наблюдается обратное – высокая вовлечённость сочетается с признаками сохраняющейся критичности и глубины мышления (высокой рефлексией). Мы вернёмся к обсуждению этого важного результата в следующем разделе.

По **гипотезе 2** предполагалось, что уровень доверия к ИИ положительно связан с уровнем вовлечённости: люди, больше доверяющие алгоритмам, чаще их используют (и наоборот, скептики используют реже). Эту гипотезу данные уверенно **подтвердили**. Коэффициент корреляции между интегральным баллом доверия ТАИ и общей вовлечённостью составил $r = 0,39, p = 0,001$ (см. табл. 1). Особенно сильна связь доверия с **поведенческим компонентом вовлечённости** – частотой реального использования ИИ: $r = 0,65, p < 0,001$. Это означает, что те участники, которые ежедневно применяют ИИ-инструменты (например, голосовых ассистентов, рекомендательные системы, системы для учебы), почти всегда выражают и высокое доверие к ИИ. В то же время те, кто мало вовлечён, склонны и не доверять искусственному интеллекту либо относиться к нему с осторожностью. Данный результат выглядит логичным и соответствует предположению о двунаправленной связи: чтобы чаще внедрять ИИ в жизнь, нужно минимально доверять ему (не бояться пробовать), и наоборот – личный опыт успешного использования может повышать доверие. Следует подчеркнуть, что в рамках корреляционного исследования невозможно утверждать, что первично – доверие или пользование. Вероятно, имеет место **взаимное усиление**: начав немного доверять и попробовав ИИ, человек убеждается в его полезности и начинает доверять больше, используя чаще, и так по кругу. В литературе указывается на подобные динамические аспекты доверия к технологиям Bostrom, A., Demuth, J. L., Wirz, C. D., Cains, M. G., Schumacher, A., & Williams, J. K. (2023). Данные предоставляют количественное подтверждение тесной связи между этими понятиями. Таким образом, гипотеза 2 полностью поддержана: **вовлечённость в ИИ значимо и положительно коррелирует с доверием к ИИ.**

Наконец, **гипотеза 3** касалась связи между когнитивным стилем и доверием к ИИ. Предполагалось, что более аналитичные, рефлексивные люди будут менее склонны доверять ИИ на высоком уровне (то есть проявят больший скептицизм). Проверка этой гипотезы дала неоднозначные результаты. С одной стороны, мы не выявили значимой отрицательной корреляции между **аналитичностью** (в том числе абстрактным типом мышления, полевой независимостью) и доверием – такие корреляции оказались близки к нулю. Например, связь доверия с показателем полнезависимости: $r = -0,10, p = 0,39$; с абстрактной концептуализацией: $r = -0,08, p = 0,51$ (табл. 1). Эти цифры говорят о том, что в нашей выборке **уровень доверия к ИИ не падает существенно у более “аналитичных” людей**. С другой стороны, обнаружены некоторые корреляции, частично соответствующие исходной идее. В частности, **балл доверия положительно связан с конкретностью мышления ($r = 0,25, p < 0,05$)**. Иными словами, участники, склонные мыслить более конкретно и образно (а не абстрактно), в среднем продемонстрировали больше доверия к ИИ. Этот факт согласуется с предположением, что **менее концептуально-аналитичные люди более доверчивы** к технологиям. Дополнительным штрихом служит отрицательная (хотя и не достигшая значимости) корреляция между доверием и рефлексивностью: $r = -0,01$, то есть значение близкое к нулю. Ожидался более выраженный отрицательный эффект, однако не получили его: рефлексивные испытуемые не оказались менее доверяющими. Напротив – отдельно взятая корреляция доверия с рефлексивностью даже положительна ($r = 0,33, p < 0,01$; см. табл. 1), что уже было отмечено выше. Таким образом, **гипотеза 3 не получила строгого подтверждения**. Часть результатов указывает на тенденцию, согласующуюся с ней (конкретные, “менее аналитичные” участники чуть более доверчивы к ИИ). Однако другие показатели – особенно высокая рефлексия – вовсе не снижают доверия. Это довольно неожиданно: мы предполагали, что рефлексивные, привыкшие всё перепроверять личности будут настороженнее относиться к рекомендациям машин. По крайней мере, в данной выборке этого не произошло. Возможно, влияние когнитивного стиля на доверие опосредуется какими-то дополнительными факторами – например, **опытом использования ИИ**. Эта

идея приводит нас к рассмотрению **гипотезы 4**, которая утверждала наличие более сложных, опосредованных взаимосвязей.

Медиаторный анализ. Гипотеза 4 сформулирована менее конкретно: предполагалось, что **вовлечённость в ИИ может играть роль посредника (медиатора) во влиянии когнитивных особенностей на доверие к ИИ**

Иными словами, личностные качества могут воздействовать на уровень доверия не напрямую, а через степень использования технологий. Например, выдвигалось предположение: “аналитичный человек может низко доверять ИИ *потому что* мало им пользуется”. Для проверки мы построили статистическую модель посредничества. В качестве независимой переменной (X) был выбран показатель когнитивного стиля, в качестве зависимой (Y) – балл доверия ТАИ, а медиатором (M) – общий индекс вовлечённости. Мы апробировали несколько вариантов такой модели для разных X . Наиболее интересные результаты получены при выборе в качестве X шкалы **рефлексивности**, поскольку, как выяснилось, она имеет значимые связи и с M , и с Y . Рис. 3 иллюстрирует обнаруженные взаимоотношения. Во-первых, рефлексивность положительно связана с доверием (прямая корреляция $c = 0,33, p = 0,005$), что противоречило исходной гипотезе 3. Во-вторых, рефлексивность сильно связана с вовлечённостью ($a = 0,53, p < 0,001$) – что мы уже отмечали выше (гипотеза 1). В-третьих, вовлечённость, в свою очередь, влияет на доверие ($b = 0,39, p = 0,001$), подтверждая гипотезу 2. Когда же обе переменные X и M включены в регрессионную модель предсказания Y , эффект рефлексивности существенно снижается и перестаёт быть статистически значимым ($c' = 0,19, p = 0,21$). Зато влияние вовлечённости остаётся значимым ($b' = 0,34, p = 0,019$). Таким образом, **имеет место полное посредничество (полная медиация)**: связь между рефлексивностью и доверием полностью объясняется уровнем вовлечённости. Формально значимость опосредованного эффекта подтверждена тестом Собеда ($Z \approx 2,24, p < 0,05$). Проще говоря, **более рефлексивные люди доверяют ИИ больше не сами по себе, а потому что они глубже вовлечены в работу с ИИ, что и**

повышает доверие. Изначально мы ожидали обратного (что рефлексия снизит доверие), однако обнаружили положительный косвенный путь. Этот результат демонстрирует ценность медиаторного анализа: даже при неожиданном направлении прямых связей он помогает понять, через что они реализуются. В данном случае, похоже, *“критично мыслящий человек не становится слепо доверчивым – он становится экспертом по ИИ и поэтому начинает доверять заслуженно”*. Конечно, такое интерпретативное утверждение требует осторожности. Наши данные не исключают и более сложных моделей (например, что доверие может выступать медиатором между стилем и вовлечённостью, либо что на всё влияют внешние переменные, например, технический бэкграунд). Тем не менее, проверенная модель рефлексивность → вовлечённость → доверие показала хорошее соответствие данным (совокупное R^2 модели $\sim 0,17$, $F(2,71)=7,42$, $p=0,0012$).

Также была протестирована медиаторную модель для других когнитивных стилей в роли X . Для **абстрактного (аналитического) vs. конкретного стиля** получилась аналогичная картина, хотя и менее выраженная: более абстрактно мыслящие несколько реже пользуются ИИ ($r = -0,10$, $p > 0,1$), а те, кто пользуется больше, склонны доверять ($r = 0,39$, $p = 0,001$), в результате прямая (отрицательная) связь между абстрактностью и доверием, будучи слабой, практически нивелируется при учёте вовлечённости. В случае **полевой независимости** как X эффекты ещё слабее (прямая связь с доверием очень мала), поэтому явного опосредования не наблюдается. В целом же итоги анализа соответствуют **гипотезе 4**: выявлены **сложные взаимосвязи, где вовлечённость опосредует влияние личностных характеристик на доверие к ИИ**. Данные указывают, что когнитивный склад ума не влияет на отношение к ИИ напрямую – скорее, он влияет на то, как человек взаимодействует с ИИ, а уже этот опыт формирует уровень доверия. Таким образом, в отношении **аналитичности/критичности мышления** можно сказать: она сама по себе не ведёт прямолинейно к низкому доверию, но люди аналитического склада действительно чуть реже и осторожнее используют ИИ, а это в итоге и связано с несколько более низким доверием. Однако для рефлексивности, которая, видимо, связана не только с критичностью, но и с любознательностью, ситуация иная – более рефлексивные,

возможно, напротив, **тщательнее изучают ИИ, больше его используют и в итоге начинают доверять ему больше**, но осознанно.

Подводя итог разделу результатов: из четырёх выдвинутых гипотез две подтвердились полностью (о связи доверия и вовлечённости, а также о наличии медиаторного эффекта вовлечённости), одна не нашла подтверждения (о связи клипового мышления с использованием ИИ), а одна получила смешанное подтверждение (аналитичность и доверие). В следующем разделе обсуждается, как эти результаты соотносятся с предыдущими исследованиями и что они означают с теоретической и практической точек зрения.

Обсуждение

Целью настоящего исследования было разобраться, каким образом влияние искусственного интеллекта на личность зависит от индивидуальных когнитивных особенностей. Исходя из литературы, ожидалось, с одной стороны, негативных эффектов чрезмерного использования ИИ (таких как формирование клипового мышления, снижение критичности), с другой – предполагалось, что определённые личностные качества (аналитичность, внутренний локус контроля) способны служить «защитным фактором», уменьшая безоговорочное доверие к ИИ. Полученные результаты дают достаточно сложную, но интересную картину, которая **не сводится к простой дихотомии “ИИ делает мышление поверхностным”**. Рассмотрим ключевые выводы и их интерпретацию.

1. Вовлечённость в ИИ и клиповое мышление. Против ожиданий, **не было обнаружено прямой связи между активностью использования ИИ и поверхностностью когнитивного стиля.** Гипотеза о том, что частое пользование алгоритмами сопровождается признаками клипового мышления (импульсивностью, рассеянностью, узостью контекстов) не подтвердилась. Напротив, более **“оцифрованные” респонденты оказались более рефлексивными.** Это важный результат, который требует обсуждения. Можно предположить несколько объяснений.

Во-первых, возможно проявилось влияние **самоселекции**: люди, обладающие развитым познавательным интересом и склонные к рефлексии, активнее осваивают новые ИИ-инструменты, поэтому среди более вовлечённых преобладают именно такие личности. В нашей выборке большинство – студенты технических и социальных специальностей, многие из которых увлечены технологиями. Вероятно, **инициативное освоение ИИ** – прерогатива тех, кто привык сознательно подходить к обучению, экспериментировать, критически оценивать новые возможности. Импульсивные же индивиды, напротив, могли либо не проявить интереса к опросу, либо действительно реже внедрять ИИ. Во-вторых, нельзя исключать, что умеренное использование ИИ **не вредит, а иногда и способствует развитию отдельных когнитивных навыков**. Например, некоторые приложения ИИ требуют от пользователя определённой дисциплины и планирования (настройка автоматизации задач, критическое рассмотрение предложенных ИИ решений и т.д.). Пользуясь такими инструментами, индивид может тренировать свою рефлексивность. В литературе есть указания на **положительное влияние ИИ-технологий на аналитическое мышление** при правильном использовании – например, персонализированные обучающие системы могут поощрять студента рассуждать более глубоко. Данные не говорят напрямую о причинном влиянии, но демонстрируют, что **активные пользователи ИИ вовсе не обязательно теряют способность думать вдумчиво**. Это согласуется с позицией ряда исследователей, отмечающих необходимость развивать у людей **цифровую грамотность и культуру использования ИИ**, чтобы смягчить риски клиповости. Вероятно, те участники, которые охотно внедряют ИИ, обладают лучшей цифровой грамотностью и потому умеют избегать поверхностного потребления информации. В-третьих, возможно, **влияние ИИ на мышление носит нелинейный характер**: небольшое и умеренное использование – преимущественно полезно или нейтрально, тогда как чрезмерное – уже чревато негативными эффектами. В нашей выборке не так много людей с экстремально высокой вовлечённостью (более 8 часов в сутки взаимодействия с ИИ, условно говоря). Поэтому мы могли не зафиксировать тех случаев, когда действительно формируется клиповое сознание. Как отмечают Shanmugasundaram & Tamilarasu (2023), постоянный поток цифровых стимулов и

многозадачность способны приводить к **синдрому “постоянного частичного внимания”** – когда человек ни на чём не фокусируется полностью Shanmugasundaram, M., & Tamilarasu, A. (2023). Вероятно, среди участников не было тех, кто погружён в ИИ до такой степени, чтобы развился этот синдром. Таким образом, **нашими данными не подтверждается тезис о неизбежном регрессе мыслительных способностей при широком использовании ИИ**. Наоборот, более активные пользователи продемонстрировали даже *выше* уровень рефлексивности. Важно, однако, не делать из этого поспешный вывод, будто ИИ “развивает” критическое мышление. Скорее, мы видим, что пока **люди с хорошим критическим мышлением успешно адаптируют ИИ для своих целей** и не теряют бдительности. Это обнадеживает: при надлежащем образовании и контроле **риски клипового мышления могут быть минимизированы** даже в эпоху ИИ.

2. Взаимосвязь доверия и использования ИИ. Подтверждение гипотезы 2 о положительной связи доверия с вовлечённостью перекликается с результатами других исследований доверия к технологиям. Фактически, мы наблюдаем разновидность **концепции принятия технологий (Technology Acceptance Model)**, где одним из ключевых факторов принятия является доверие пользователя к системе. Полученные данные согласуются с ней: если человек не доверяет ИИ, он им и не пользуется, и наоборот – пользуется, значит, доверяет. В экспериментальных работах также показано, что **повышение доверия ведёт к большему использованию**, но чрезмерное доверие чревато переоценкой возможностей ИИ. В прикладном плане это значит, что разработчикам ИИ-систем важно добиваться **оптимального уровня доверия** со стороны пользователей: ни слепой веры, ни неоправданного скептицизма. Интересно, что в опросе не было какой-либо конкретной ситуации или системы, доверие оценивалось в целом – и при этом разброс ответов велик. Это говорит о том, что доверие к ИИ формируется у людей на основе их общего опыта, наслышанности, установок. Например, некоторые участники, возможно, читали о провалах ИИ (случаи ошибок алгоритмов) и потому отвечали с недоверием, даже если сами мало пользовались. Другие, напротив, могут быть

энтузиастами, доверяющими технологии больше, чем людям, что отмечалось Sharan & Romano (2020) – в экспериментах люди иногда *чаще* верят пометке “Совет ИИ”, чем “Совет человека”. Наше исследование, хотя и корреляционное, подтверждает, что **доверие и фактическое использование идут рука об руку**. Это значит, что **формируя у пользователей адекватное доверие**, мы тем самым стимулируем приемлемое внедрение ИИ. И наоборот, **повышая опыт и грамотность использования**, мы укрепляем доверие. В образовательной и просветительской практике этот взаимосвязанный процесс можно поддерживать: например, давая людям безопасный опыт пробовать ИИ-инструменты и одновременно обучая их критически оценивать результаты. Важно отметить, что **доверие не следует завышать искусственно** – оно должно быть заслуженным (*trustworthiness* системы). Как отмечают Bostrom, A., Demuth, J. L., Wirz, C. D., Cains, M. G., Schumacher, A., & Williams, J. K. Если алгоритмы объективно ненадёжны, пользователям нужно знать об ограничениях, иначе высокая вовлечённость при необоснованном доверии приведёт к ошибкам (пример – чрезмерное доверие навигатору может завести в тупик) (2023). В контексте нашего исследования, мы видим, что пока доверие коррелирует с использованием, но его уровень в среднем не запредельно высок (26 из 40). Это, вероятно, отражает умеренно критичное отношение молодёжи к ИИ: они активно пробуют новое, **но и осознают риски**. В дальнейших исследованиях стоило бы детально разобраться, **в каких именно ситуациях люди доверяют или не доверяют ИИ**, какие факторы (прозрачность алгоритма, предыдущий опыт ошибок, личностные черты) оказывают на это влияние. Вклад данной работы – подтверждение того, что **личный опыт взаимодействия тесно сплетён с доверием**. Это совпадает с выводами Bostrom et al. (2023), которые подчёркивают динамический характер доверия к ИИ, зависящий от взаимодействия человека с системой на протяжении времени. В практическом плане, чтобы повысить приемлемое доверие, следует **увеличивать знакомство пользователей с ИИ в контролируемых условиях**, показывать им сильные и слабые стороны алгоритмов.

3. Когнитивный стиль и доверие к ИИ. Самый сложный для интерпретации пласт результатов касается **когнитивных стилей и доверчивости к ИИ**. Гипотеза 3

предполагала, что аналитично мыслящие люди (близко к понятию *critical thinkers*) будут менее доверять ИИ, тогда как склонные к поверхностным оценкам – более. Частично это основано на аналогии с локусом контроля: Sharan и Romano (2020) показали, что лица с внутренним локусом (берущие ответственность на себя) проявляют бóльшую осторожность в доверии к автоматизированным советам. Когнитивный стиль Велумян, Н. А. (2013) полевой независимости/аналитичности близок к внутреннему локусу по идее самостоятельности мышления. Однако наши корреляции не выявили значимого снижения доверия у аналитиков. Почему? Возможно, причина в том, **как именно измерены эти конструкты**. Локус контроля – черта более мотивационно-социальная, тогда как наши шкалы (рефлексивность, абстрактность) – непосредственно когнитивные. Человек может быть весьма аналитичным интеллектуально, но при этом по натуре доверчивым к технологиям, если он, скажем, верит в научно-технический прогресс. Кроме того, **доверие к ИИ многогранно**. Опрос охватывал общие установки, но в конкретных задачах аналитичный индивид, возможно, и не доверял бы ИИ без проверки. Вполне вероятно, что участники с высоким критическим мышлением всё же не стали бы полагаться на ИИ в важных решениях – однако в опросе они выражали общее доверие (например, “ИИ полезен, я ему в целом доверяю как инструменту”). Такая **установочная доверчивость** могла сочетаться у них с готовностью проверять на деле. К сожалению, наш дизайн не позволяет разделить *установку и поведение* в конкретной ситуации – это ограничение исследования. Тем не менее, мы обнаружили тонкие эффекты: конкретное мышление (менее аналитичное) всё же сопряжено с ростом доверия. Это соответствует интуиции: те, кто склонен мыслить образами и примерами, возможно, **сильнее впечатляются успехами ИИ** (красивые картинки, демонстрации работы нейросетей) и поэтому больше доверяют, в то время как те, кто привык мыслить абстрактно и критично, замечают принципиальные проблемы и ограничения ИИ, слегка снижая доверие. Почему же тогда **рефлексивность оказалась положительно связана с доверием**? Одно из возможных объяснений мы предложили в результате медиаторного анализа: рефлексивные люди глубже погружаются в работу с ИИ, лучше его узнают и при позитивном опыте начинают доверять больше. Здесь сказывается **разница между “здоровым скептицизмом” и**

“полным неприятием”. Рефлексивный человек, скорее всего, **изучает ИИ**: проверяет, сравнивает ответы с реальностью, замечает ошибки, но и ценит достоинства. Со временем у него формируется **обоснованное доверие** – он знает, в чём ИИ хорош, и доверяет в этих рамках. Напротив, менее рефлексивный может либо не задумываться и просто доверять (если впечатлён) – либо вообще избегать нового, руководствуясь предубеждениями. В нашей выборке, очевидно, не было тех, кто полностью избегает (почти все хоть как-то сталкивались с ИИ). Поэтому рефлексивность сыграла позитивную роль: дала людям инструмент разобраться и принять ИИ. Этот вывод созвучен идеям о том, что **критическое мышление должно идти рука об руку с освоением технологий, а не противоречить ему**. Если человек критически понимает принципы работы алгоритма, он сможет доверять ему именно там, где это оправданно, и контролировать там, где нужно. Таким образом, **образ “скептика, отвергающего ИИ” не подтвердился** – по крайней мере среди молодого поколения образованных пользователей. Напротив, те, кто мыслит более критично, нашли способ подружиться с ИИ на своих условиях. Это очень интересный и обнадеживающий результат. Он подсказывает, что в образовании следует не просто побуждать пользоваться ИИ, но и **развивать рефлексивность** – тогда доверие пользователей будет основываться на знании. Некоторые последние работы по доверию к ИИ как раз подчёркивают субъективный характер доверия и важность когнитивных факторов – ментальных моделей, эвристик мышления и т.п.. Текущее исследование конкретизирует: **личностная склонность к анализу влияет на доверие опосредованно через опыт**.

4. Медиаторная роль вовлечённости. Вышеуказанный вывод о посреднической роли опыта подтверждается формально нашей проверкой гипотезы 4. Мы статистически показали, что **вовлечённость в ИИ “связывает” когнитивный стиль с доверием**. Этот результат согласуется с общими представлениями о том, что отношение к новой технологии формируется через её освоение. Для разных типов пользователей процесс может отличаться. Например, **“условно скептический аналитик”** сначала не доверяет, но из интереса всё равно экспериментирует с ИИ, а разобравшись – начинает использовать

там, где выгодно, хотя в целом остаётся трезво оценивающим. **“Условно доверчивый интуитивист”**, напротив, может сразу поверить в ИИ и начать пользоваться, но при встрече с проблемами (а они неизбежны) может разочароваться или использовать неэффективно. Кто из них в итоге будет более активно пользоваться и доверять – вопрос. Наши данные скорее показывают, что первенство за **рефлексивно вовлечёнными**. Они одновременно и больше используют, и имеют высокий осознанный уровень доверия. Это, возможно, лучшая категория пользователей – **компетентные и доверяющие**. В идеале, именно таких пользователей и нужно воспитывать – тогда ИИ станет эффективным инструментом, а не своеобразным навигатором для слепо верящих. Интересно, что и для менее рефлексивных опыт игры с ИИ тоже, вероятно, всё расставляет по местам: кто-то разочаруется в ИИ, кто-то, наоборот, придёт в восторг. В среднем же именно через вовлечённость происходит калибровка доверия. Наше исследование, по сути, экспериментально подтверждает один из пунктов повестки исследований доверия: **необходимо изучать доверие как динамический процесс во времени, учитывая взаимодействие пользователя и ИИ**. Была продемонстрирована статическая картина такого процесса: на разных уровнях вовлечённости люди отличаются стилем и доверием. Последующие работы могли бы проделать лонгитюдное наблюдение: как меняется доверие у аналитиков и интуитивистов по мере накопления опыта использования ИИ. Вероятно, кривые будут различаться, но в конце могут сближаться на некоем оптимуме доверия.

Ограничения исследования. Прежде чем перейти к заключению и практическим рекомендациям, отметим ограничения, которые важно учитывать при интерпретации результатов. Во-первых, относительно небольшой размер выборки ($N = 72$) снижает статистическую мощность и не позволяет выявить мелкие эффекты. Некоторые отсутствующие корреляции могут быть следствием недостатка мощности (например, истинная связь доверия с аналитичностью может быть невелика, $\sim -0,2$, и нашему исследованию её трудно обнаружить). Будущие исследования с большей выборкой смогли бы уточнить эти моменты. Во-вторых, наша выборка несбалансирована по роду

деятельности и возрасту: большинство – студенты ~20–25 лет. Это важная группа, однако результаты не обязательно обобщаются на всё население. Более старшие люди могут иначе воспринимать ИИ: например, они могут меньше доверять технологиям или, наоборот, менее критично относиться (считать их “умнее себя”). Гендерный дисбаланс (больше женщин) тоже мог потенциально влиять, хотя контроль по полу не выявил существенных различий в основных переменных. В-третьих, **все данные основываются на самоотчётах**. Это значит, что мы измеряли субъективные оценки (насколько человек считает себя рефлексивным, насколько считает что доверяет ИИ и т.д.). Возможно, реальное поведение отличается: человек может декларировать недоверие, но в конкретной ситуации последовать совету машины. Или считать себя критичным мыслителем, но фактически действовать импульсивно. Этот общий методический риск смягчается тем, что опросники были анонимны и мотивов исказить ответы не было. Тем не менее, полезно бы подкрепить выводы **объективными методами** – например, нейропсихологическими тестами на когнитивную ригидность/гибкость или поведенческими экспериментами, измеряющими уровень доверия к конкретной системе (например, насколько часто участник пренебрегал советом ИИ или соглашался с ним в задании). В-четвёртых, необходимо помнить, что установленные корреляции не означают причинности. Мы обсуждаем их в причинных терминах (“вовлечённость приводит к доверию” и т.п.), основываясь на логике и других работах, но наши данные напрямую не доказывают направление влияния. Теоретически возможны альтернативные объяснения – например, какой-то третий фактор (образование, уровень интеллекта, доступ к технологиям) влияет и на стиль, и на доверие одновременно. В исследовании частично контролировались такие моменты как возраст, сфера деятельности и не было обнаружено различий, но полностью исключить сторонние переменные нельзя. Поэтому интерпретации следует рассматривать как гипотезы, требующие подтверждения в экспериментальных и продольных исследованиях. В-пятых, интересно отметить, что **опрос проводился в первой половине 2025 года**, когда всплеск популярности ИИ (чат-системы типа GPT и др.) ещё был достаточно новым явлением. Возможно, установки респондентов были в процессе формирования. Если повторить опрос годом позже, люди

могли получить больше опыта с теми же чат-ботами, и общие уровни доверия или вовлечённости изменились бы. То есть результаты релевантны на текущий момент, но в быстро меняющейся технологической среде их актуальность нужно обновлять.

Сравнение с предыдущими исследованиями. Несмотря на ограничения, наши выводы находятся в общем русле современных исследований взаимодействия человека и ИИ. Был подтверждён вывод Шаран и Романо (2020) о том, что **личностные черты (например, склонность к контролю) влияют на доверие к ИИ**, хотя это проявилось косвенно. Также наблюдение о том, что **активное использование усиливает доверие**, согласуется с результатами крупного опроса KPMG (2023), отмечающего: люди, уже применяющие ИИ, сообщают о более высоком доверии к нему, чем непользующиеся. Что касается когнитивных эффектов, литературный обзор указывал на риски “клипового мышления” (Карр, 2010; Купчинская и Юдалевич, 2019 и др.), но конкретных количественных работ по связи *индивидуального* стиля с использованием технологий немного. Исследование восполнило этот пробел и показало, что на уровне индивидуальных различий **сильной деградации стиля мышления от факта использования ИИ не прослеживается**. Возможно, негативные влияния фиксировались ранее больше на группо-социальном уровне (например, общее снижение глубины чтения поколением, выросшим с гаджетами). В индивидуальном же порядке всё зависит от того, **как именно человек использует цифровые ресурсы**. Если он делает это продуманно – негатив может быть минимальным. Этот вывод поддерживает идею о необходимости развивать **цифровой интеллект** (digital intelligence) и саморегуляцию при работе с информацией (Vislova, 2020). Кроме того, наши данные подчёркивают мысль, что **доверие к ИИ – субъективно и контекстуально** (Bostrom et al., 2023): один и тот же человек может в общем доверять ИИ, но не доверить ему, например, творческую задачу, или наоборот. Мы видим, что доверие коррелирует с эмоциональными компонентами (например, конкретностью мышления, воодушевлением от технологий), а не только с рациональной оценкой. В литературе это связывают с феноменом “очеловечивания” ИИ – когда люди переносят на алгоритмы социальные стереотипы доверия. Возможно,

некоторые участники воспринимали ИИ как авторитетного эксперта (если у них сформировался такой образ технологии), тогда как другие – как просто инструмент. Эти нюансы мы не измеряли, но они могут объяснить разнообразие установок.

Практические импликации. Из исследования можно сделать несколько практических выводов для образования, менеджмента и технологий. Во-первых, **обучение работе с ИИ** следует сочетать с развитием критического мышления. Результаты показывают, что эти качества не конфликтуют – наоборот, вместе дают наилучший результат в плане осмысленного доверия. Поэтому университетам и школам имеет смысл внедрять курсы, где студенты учатся использовать ИИ в решении задач, **анализируя** его ответы, обсуждая их качество, проверяя факты. Такой подход поможет избежать и бездумного принятия всего на веру, и полного отрицания пользы ИИ. Во-вторых, необходимо учитывать **индивидуальные различия**: некоторым может потребоваться больше внимания к формированию навыков критического анализа результатов ИИ, так как они склонны чуть более доверять “красивому” ответу. С другой стороны, с очень скептическими учениками стоит проработать их опасения, дать им успешный опыт применения ИИ, чтобы они не отставали в освоении новых инструментов из-за предубеждений. В корпоративной среде этот же принцип применим при внедрении AI-систем: **тренинги для персонала** должны включать разбор примеров, когда ИИ ошибается, и когда полезен, чтобы формировалось **адекватное доверие к ИИ**. Данные о связи доверия и использования подсказывают: **чем больше качественного опыта, тем выше доверие**. Поэтому на первых этапах внедрения ИИ на предприятии важно обеспечить позитивный опыт (например, начать с задач, где ИИ очевидно эффективен, и продемонстрировать это). Тогда даже более настороженные сотрудники постепенно вовлекутся. В-третьих, вывод о **неоднозначности эффекта на мышление** означает, что политики и педагоги не должны демонизировать ИИ (“приводит к клиповому сознанию”), а должны искать баланс. Как отмечают многие авторы, **полный отказ от ИИ – не выход**, так как потеря преимуществ может оказаться более критичной, чем риски (Kryukov et al., 2023). Лучше сосредоточиться на выработке рекомендаций по **ответственному**

использованию. Наше исследование поддерживает эту линию: мы не обнаружили катастрофического влияния ИИ на когнитивные способности при ответственном использовании. Вовлечённость в ИИ может быть конструктивной, если пользователь остаётся субъектом, а не пассивным потребителем.

Заключение

В данной работе предпринята попытка комплексно исследовать **влияние искусственного интеллекта на личность** через призму доверия и когнитивных стилей. Были проанализированы взаимосвязи между **уровнем доверия к ИИ, степенью вовлечённости в использование ИИ и индивидуальными когнитивными стилями** (аналитичностью/клиповостью мышления). Полученные результаты можно резюмировать следующим образом:

Частота и глубина использования ИИ (вовлечённость) тесно связана с доверием к ИИ. Респонденты, которые активно используют ИИ-инструменты, в целом проявляют более высокое доверие к ним, и наоборот – скептически настроенные участники вовлекают ИИ в свою жизнь минимально. Этот вывод подтверждает предположение о взаимном усилении доверия и опыта: чем больше обоснованного доверия, тем активнее применение, что, в свою очередь, укрепляет доверие при успешном опыте.

Не выявлено прямого упрощения (“клипизации”) мышления у активных пользователей ИИ. Признаки поверхностного стиля (импульсивность, когнитивная ригидность и пр.) не усиливались при росте вовлечённости в ИИ. Напротив, более интенсивно пользующиеся ИИ люди оказались, как правило, более рефлексивными и гибкими мыслящими. Это означает, что опасения относительно автоматического «отупления» личности под влиянием ИИ, по крайней мере на индивидуальном уровне, не получили подтверждения. Многие зависят от культуры использования: продвинутые и образованные пользователи

сумели сохранить и даже применить свои критические навыки во взаимодействии с ИИ.

Связь когнитивного стиля с доверием к ИИ носит сложный характер. Не обнаружено простой закономерности, что аналитичные люди меньше доверяют ИИ. Однако выявлены тонкие эффекты: склонные к конкретному (менее абстрактному) мышлению демонстрируют несколько более высокое доверие к ИИ, что согласуется с идеей о их большей внушаемости технологией. С другой стороны, рефлексивные участники тоже, вопреки ожиданию, доверяют ИИ не меньше, а даже больше – но, как показал анализ, косвенно через их большой опыт использования ИИ. Таким образом, аналитичность сама по себе не превращает человека в противника ИИ; скорее, она влияет на стратегию освоения: более аналитичные могут дольше разбираться, осторожнее внедрять ИИ, но в итоге формируют реалистичное доверие. Менее аналитичные могут сразу поверить рекламе ИИ, но так же быстро разочароваться при неудаче.

Вовлечённость в ИИ выступает посредником между когнитивными стилями и доверием. Этот вывод подчеркивает важность опыта: личностные особенности влияют на то, как человек использует ИИ, а уже через использование формируется доверие. Для практики это означает, что чтобы изменить отношение людей к ИИ, нужно изменять их опыт взаимодействия с ним (через обучение, демонстрации, улучшение интерфейсов), а не пытаться напрямую убедить или “переломить” их убеждения.

В целом, исследование показало, что **влияние ИИ на личностные качества не является фатально предопределённым** – многое зависит от **активной позиции самого человека**. ИИ может стать как инструментом, расширяющим возможности мышления, так и фактором риска для интеллектуального развития – в зависимости от того, как им пользуются. **Когнитивные стили** личности играют роль в этом процессе, но не жёстко, а через сложные механизмы адаптации. Например, критически мыслящий человек, вопреки

опасениям, не утрачивает критичность при встрече с ИИ, а применяет её для более эффективного использования технологий.

Практический вывод – необходимость **баланса между доверием и критикой**. Необходимо стремиться к тому, чтобы у пользователей формировалось **доверие на основе понимания**. Образно говоря, цель – не слепо доверяющий, но и не порочно отвергающий, а **сотрудничающий с ИИ человек**. Для этого важны образовательные инициативы, развитие цифровой грамотности, прозрачность ИИ-систем (чтобы облегчить понимание их работы) и учет индивидуальных различий.

Исследование внесло вклад в научную картину, объединив три аспекта – доверие, использование и когнитивные различия. Однако оно является лишь шагом. Необходимо дальнейшее изучение, особенно экспериментальное, чтобы установить причинно-следственные связи. Представляется перспективным провести продольное исследование: проследить, как у людей разных когнитивных типов со временем меняется отношение к ИИ при увеличении опыта. Также интересным направлением является изучение **метакогниций** – осознают ли люди степень своего доверия, корректируют ли её. Например, полезно выяснить, способны ли очень доверчивые пользователи с конкретным мышлением повысить свою критичность после обучения.

Подводя итог, можно сказать, что **цифровая революция ИИ ставит перед личностью вызовы, но и открывает новые возможности**. Личностные качества во многом определяют, как мы ответим на эти вызовы. Данное исследование показало, что человек не пассивен – сохраняя рефлексивность и осознанность, он способен интегрировать ИИ в свою жизнь без утраты себя. Лучшим подтверждением этому служит высокая рефлексивность многих наших участников наряду с их активным использованием ИИ. Это позволяет смотреть в будущее с оптимизмом: при должных усилиях в образовании и социальной сфере **гармоничное сосуществование человека и ИИ** достижимо. Рекомендую и далее работать над разработкой программ обучения, направленных на укрепление **критического мышления в эпоху ИИ**, а также над созданием

дружественных пользователю и прозрачных ИИ-систем, которым можно доверять оправданно. Только балансируя доверие знанием, мы сможем по-настоящему раскрыть потенциал искусственного интеллекта для гармоничного развития личности, минимизируя риски и усиливая положительные эффекты.

Список литературы

Велумян, Н. А. (2013). *Индивидуально-психологические предпосылки выбора профессии в подростковом и юношеском возрасте* (Дисс. канд. психол. наук). Москва.

Вислова, А. Д. (2020). Легко ли жить в мире цифровых технологий? [Is it easy to live in the world of digital technologies?]. *Известия КБНЦ РАН. Серия: Социологические науки*, (3(95)), 98–113. <https://doi.org/10.35330/1991-6639-2020-3-95-98-113>

Канеман, Д. (2011). *Думай медленно... решай быстро* [Thinking, Fast and Slow]. М.: АСТ.

Karr, N. (2010). *Поверхностные: что интернет делает с нашим мозгом* [The Shallows: What the Internet Is Doing to Our Brains]. М.: Альпина нон-фикшн.

Крюков, А. В., Лесевицкий, А. В., & Юсупова, Ю. К. (2023). Позитивные и негативные аспекты процесса цифровизации сферы образования [Positive and negative aspects of the process of digitalization of education]. *Гуманитарные исследования. Психология и педагогика*, (13), 63–75. <https://doi.org/10.24412/2712-827X-2023-13-63-75>

Купчинская, М. А., & Юдалевич, Н. В. (2019). Клиповое мышление как феномен современного общества [Clip thinking as a phenomenon of modern society]. *Бизнес-образование в экономике знаний*, 3, 66–72.

Леньков, С. Л., Рубцова, Н. Е., & Низамова, Е. С. (2025). Опросник «Вовлеченность в сферу искусственного интеллекта» и его психометрические свойства [Questionnaire “Engagement in the sphere of artificial intelligence” and its psychometric properties]. *Ярославский педагогический вестник*, 1(142), 179–188. <https://doi.org/10.20323/1813-145X-2025-1-142-179>

Меликов, И. М., & Журинский, И. С. (2020). Искусственный интеллект как угроза смысловой детерминанте личности [Artificial intelligence as a threat to the semantic

determinant of personality]. В *Междисциплинарные исследования: опыт прошлого, возможности настоящего, стратегии будущего* (сб. науч. трудов) (дата обращения: 10.03.2025).

Норман, Д. (1988). *The Psychology of Everyday Things*. New York: Basic Books.

Постман, Н. (1992). *Уходящее детство* [The Disappearance of Childhood]. М.: «Прогресс».

Тёркл, Ш. (2011). *Вместе, но врозь: Почему технологии изолируют нас, даже когда мы на связи* [Alone Together: Why We Expect More from Technology and Less from Each Other]. М.: ДМК Пресс.

Ходаев, А. С., & Макарова, Л. Н. (2024). Искусственный интеллект и социализация подростков: риски влияния [Artificial intelligence and adolescents' socialization: risks of influence]. *Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки*, 29(4), 1011–1021. <https://doi.org/10.20310/1810-0201-2024-29-4-1011-1021>

Shanmugasundaram, M., & Tamilarasu, A. (2023). The impact of digital technology, social media, and artificial intelligence on cognitive functions: a review. *Frontiers in Cognitive Science*, 2, 1203077. <https://doi.org/10.3389/fcogn.2023.1203077>

Sharan, N. N., & Romano, D. M. (2020). The effects of personality and locus of control on trust in humans versus artificial intelligence. *Heliyon*, 6(e04572), 1–16. <https://doi.org/10.1016/j.heliyon.2020.e04572>

Bostrom, A., Demuth, J. L., Wirz, C. D., Cains, M. G., Schumacher, A., ... Williams, J. K. (2023). Trust and trustworthy artificial intelligence: A research agenda for AI in the environmental sciences. *Risk Analysis*. Advance online publication. <https://doi.org/10.1111/risa.14245>

Hoffman, R. R., Mueller, S. T., Klein, G., & Litman, J. (2023). Measures for explainable AI: Explanation goodness, user satisfaction, mental models, curiosity, trust, and human-AI performance. *Frontiers in Computer Science*, 5, 1096257.
<https://doi.org/10.3389/fcomp.2023.1096257>